

На правах рукописи

Морев Михаил Павлович

**МАРКИОН ИЗ СИНОПЫ:
ПЕРВЫЙ РЕФОРМАТОР ХРИСТИАНСТВА**

Специальность 07.00.03 – всеобщая история
(история древнего мира)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание учёной степени
кандидата исторических наук

Саратов
2002

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Актуальность темы исследования. Проблема идейного наследия раннего христианства является, пожалуй, одной из «вечных»; трудно найти эпоху, когда бы она не вызывала столько ожесточённых споров по всему спектру своего содержания. Христианской теологии потребовалось около 1000 лет для согласования трудносогласуемых частей своей Библии. Лишь с помощью аристотелевой диалектики ей удалось привести к сомнительному общему знаменателю Ветхий и Новый Заветы. Прделанная при этом работа очень напоминает известный в римском праве способ обретения прав собственности на новую вещь, известный как *specificatio*. То есть из текстов Ветхого и Нового Заветов с привнесением греческих философских идей «отцы церкви» создали христианское вероучение, изъяв при этом у первых, законных собственников – иудеев, основу их духовного наследия, и вот уже почти 1500 лет владеют им на не вполне законных основаниях. Через 100 лет после описанных в Евангелиях событий нашёлся гениально одарённый теолог, который в результате скрупулёзного анализа ветхозаветных и евангельских текстов, а также писем апостола Павла, пришёл к выводу о полной несовместимости ветхозаветного Закона и евангельской описательной милости божьей. Этим неповторимым богоскательем был уроженец Синопы Понтийской Маркион. Свои выводы он использовал в качестве весомых доводов при идейном и организационном объединении созданной им церкви от остальной части христианских общин II века. За 3 века тогдашняя раннекатолическая церковь смогла найти весомые доводы против этого «кляптийского волка». При этом она многому училась у него, взяв, например, на вооружение его отношение к своему духовному наследию, но в отличие от него признав факт исполнения ветхозаветных пророчеств в личности Иисуса Христа. Если антииудаизм Маркиона был направлен только против ветхозаветного Бога-Творца как национального бога иудейского народа, то в христианской церкви изначально, начиная с конца I века, утвердилась антипатия к иудеям, как к народу, обвинявшемуся в «богоубийстве». Несколько печальные последствия имело такое отношение к иудеям, хорошо известно на примерах массовых убийств и истребления целых общин в эпоху Крестовых походов (погром в Майнце в

1096 году, резня в Иерусалиме в 1099), истребления иудейского населения правобережной Украины во время восстания Богдана Хмельницкого. Трагической кульминацией антисемитизма на практике является Холокост во время второй мировой войны.

Между тем у раннего христианства был исторический шанс стать вполне самостоятельной религией, без связи с ветхозаветным наследием. И такой шанс был предоставлен ему Маркионом.

Обозначенные проблемы не были до 90-х годов прошлого века объектом специального исследования в отечественной историографии. Как отмечает Жан Поль Лихтенберг, автор полемических очерков «От Первого до Последнего из Праведников», в современной Русской Православной Церкви до сих пор не преодолен скрыто враждебный настрой отдельных иерархов различного сана по отношению к иудаизму и его исповедникам, причём корни этих настроений достаточно глубоки. К счастью, в современном российском обществе нет видимых причин для конфронтации между представителями традиционных религий. С другой стороны, на поверхность вышел неприкрытый антииудаизм и антисемитизм. Необходимость сохранения межнационального и межрелигиозного мира и налаживания диалога по спорным вопросам прошлого должно осознаваться приверженцами всех конфессий современной России. Этим целям может послужить обращение к корням христианства, к событиям первых веков новой эры. В данной диссертации сделана такая попытка.

Цель и задачи исследования. Его хронологические рамки.

Диссертация охватывает в основном события I-V веков нашей эры. При анализе идейного наследия античного иудаизма ретроспективно рассматриваются некоторые проблемы иудейской истории I тысячелетия до нашей эры. В диссертации представлена фигура Маркиона как теолога-реформатора и организатора своей церкви, которая являлась реальной, но губительной, альтернативой для нарождавшегося христианства. Далее выясняются, с одной стороны, его ошибки и заблуждения в восприятии им библейских текстов, а с другой, показано, что и христианская церковь достаточно предвзято и иносказательно подошла к толкованию текста книги иудейской Библии. Оба эти обстоятельства весьма существенны для понимания последствий сделанных обеими сторонами (маркионитами и ортодоксальной церковью) шагов в сторону от истинного понимания смысла и значимости ветхозаветных Писаний.

Главный вопрос состоит в выяснении причин того, что определило выбор Маркиона в пользу размежевания Ветхого Завета с Евангелием и апостольскими посланиями, канонизацию которых первым начал именно он. Для этого необходимо вновь возвратиться к анализу религиозно-

политической ситуации в Восточном Средиземноморье в I–сердине II веков нашей эры, рассмотреть идейное наследие тогдашнего иудаизма и эллинистической философии, оказавших существенное влияние на формирование теологии Маркиона.

Методологической основой диссертации являются следующие методы исследования: генетический, историко-критический, синхронный – для анализа античного иудаизма и раннего христианства; диахронный при сравнении маркионовой и гностической теологий, а также метод тексто-семантической ретроспективы.

Научная новизна исследования.

Данная работа является первой в отечественной науке попыткой объективно представить столь яркую и своеобразную, а ныне почти забытую, личность раннехристианской истории, каким был Маркион. Для анализа различных сторон его мировоззрения также впервые использованы избранные места из сочинений христианских писателей I-V веков; это относится и к самому объёмному труду главного оппонента Маркиона – Тертуллиана – «Adversus Marcionem libri V». Отдельные цитаты из него впервые в отечественном религиоведении даны в авторском переводе. Главный герой исследования Маркион и его церковь показаны как реальная, но вместе с тем и гибельная, альтернатива для тогдашней христианской церкви. Во то же время, выбор церкви в лице её апологетов II-III веков в пользу объединения в новый канон книг Ветхого Завета и Евангелий (четырёх вместо одного у Маркиона!), а также писем апостола Павла и других раннехристианских произведений, обозначил для христианства иной путь развития, который привёл его к антииудаизму в средние века и к антисемитизму в Новое время.

Практическая значимость исследования.

Приведённый в исследовании фактический материал может быть использован в научно-исследовательской работе, для разработки спецкурсов по внешней (восточной) и религиозной политике Рима времён принципата, античному иудаизму и раннему христианству, темам диалога и взаимодействия культур в античном и современном мире.

Апробация работы.

Основные положения работы были представлены в докладе «Проблемы бытия человека в книге «Бытие» и в «Пире семи мудрецов» Плутарха» на конференции, посвящённой 60-летию исторического факультета СГУ, 25

сентября 1995 года; а также в публикациях. Диссертация обсуждалась и получила положительную оценку на заседании кафедры истории древнего мира СГУ.

Структура работы.

Диссертация включает в себя введение, четыре главы, заключение, список сокращений, список использованных источников и литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении сформулирована изучаемая проблема, показана значимость реформаторской деятельности Маркиона для последующего развития христианства, определены цель, задачи и методы исследования.

Первая глава «Христианская традиция и современная историография о Маркионе и его церкви» содержит источниковедческий обзор, а также историографический анализ исследований о Маркионе и его церкви. Её внушительный объём объясняется отсутствием в российской науке, в том числе и в дореволюционной, отдельной работы о Маркионе.

Среди всего многообразия источников выделены, прежде всего, полемические и апологетические произведения "Отцов церкви" II-V веков. Нет ни одного из них, кто не упоминал бы в своих произведениях о Маркионе или его церкви. Степень достоверности их сообщений зависит от временной и пространственной удалённости от Маркиона и его последователей, от личных пристрастий полемистов, от полноты их знакомства с литературным творчеством самого этого ересиарха и его учеников. Среди всех противников Маркиона особо выделяется фигура Тертуллиана, посвятившего опровержению его теологии 5 книг своего самого объёмного труда «Adversus Marcionem». В обзоре анализируются все книги этого полемиста. Меньше внимания уделено сообщениям других ересиологов, опровергавших Маркиона.

В историографическом обзоре рассмотрены исследования отечественных авторов – Ю. Николаева (Данзаса), Р.Ю. Виппера, П.З. Козика, Я. А. Ленцмана, И.С. Свенцицкой, в чьих трудах есть упоминания о Маркионе и его церкви. Отмечена как самостоятельность суждений одного лишь Юрия Николаева, так и зависимость других авторов от выводов их предшественников – зарубежных исследователей. Подчёркнуто начавшееся в 80-х годах XX века признание в отечественном религио- и антиковедении историчности новозаветных персонажей; примером чего служит книга А.Ч.Козаржевского «Источниковедческие проблемы раннехристианской литературы». Выделение работ отечественных и зарубежных исследовате-

лей – предшественников Адольфа Гарнака – в отдельный параграф оправдано значительной ролью этого выдающегося протестантского теолога и историка церкви в воссоздании образа Маркиона и его теологии. Среди его предшественников отмечены достижения Лёффлера (1794), Шеллинга (1795)¹, Арнета (1809), Неандера,² Ханна,³ Фердинанда Баура,⁴ Густава Фолькмара⁵, Дюшена, которые первыми начали ещё в первой половине XIX века прокладывать пути к восстановлению отдельных деталей теологии Маркиона. Во второй половине XIX века наибольший вклад в исследование темы внесли Адольф Хингельфельд (но его труд не учитывал проблему формирования текстов писем апостола Павла и остался ввиду этого и ряда других неисследованных вопросов неполным); а также Теодор фон Цан⁶. Среди этих учёных больше внимания уделено Августу Неандеру, который посвятил Маркиону несколько страниц своего объёмного труда.

Особо подчёркнуто выдающееся значение исследований Адольфа Гарнака (1851-1930) по теологии Маркиона. Полувековое изучение им этой проблемы завершилось выходом фундаментального труда, который во многом определил в XX веке пути дальнейшего исследования всех аспектов его теологии. В качестве примера текстологических исследований приводятся работы П. Капелле, Х.И. Фогельса, Г.И.Д Адлерса, А. Але, Е. С. Блэкмена, Г.Барди, А.Ф.Дж. Клийна, Г.Киспела. Отмечен вклад большинства из них в решение отдельных проблем теологии Маркиона. В главе приведён подробный анализ монографических исследований 30-90-х годов XX века по Маркиону, его теологии и церкви. Первым достаточно самостоятельным англоязычным исследованием по Маркиону стала книга Роберта Смита Уилсона *Marcion*.⁷ Автор воспроизводит ситуацию, сложившуюся в столичной общине ко времени прибытия в Рим Маркиона. Рисуя картины повседневной жизни мегаполиса, исследователь отмечает полинациональность и поликонфессиональность тогдашнего Рима. На основе источникового материала автор прослеживает пути, приведшие этого

---

¹ Schelling F.G.J. *De Marcione Paullinarum epistolarum Emendatore*. Tübingen. 1795.

² Neander, Augustus. *Allgemeine Geschichte der christlichen Religion und Kirche*. Gotha. 1856 (gotice!); S.252-262—“Marcion und seine Schule”.

³ Hahn A. *Das Evangelium Marcions in seiner ursprünglichen Gestalt*. Königsberg. 1823., *Antitheses Marcionis gnostici*. Ibid. 1823.

⁴ Hahn A. *Das Marcusevangelium nach seinem Ursprung und Charakter, nebst einem Anhang über das Evangelium Marcions*. Tübingen. 1851.

⁵ Volkmar, Gustav. *Das Evangelium Marcions*. Berlin. 1832.

⁶ Hilgenfeld, Adolf. *Kritische Untersuchungen über die Evangelien Justins, der clementinischen Homilien und Marcions*. Halle. 1850., «Das Marcionitische Evangelium und seine neueste Bearbeitung»// TJ. 1853, № XII., «Das Apostolikon Marcions»// ZT. 1855. № 25, S.426-484; Zahn, Theodor von. *Geschichte des Neutestamentlichen Kanons*. B.I: *Das Neue Testament vor Origenes*. Erlangen. 1888-89.

⁷ *A Study of a Second Century Heretic*. L., 1933.

богатого судовладельца в столице империи. Далее автор доказывает организационную самостоятельность Маркиона как основателя своей церкви. Большой интерес представляют те главы, где делается попытка ответить на главные вопросы, на которые искал ответ сам Маркион. Уилсон полагает, что Маркион был убеждённым библицистом и противником иносказаний, толкуя ветхозаветные пророчества буквально. Последние главы показывают роль Маркиона как автора идеи Нового Завета и выявляют методы отбора его составных частей.

Исследованию роли и места Маркиона в формировании Нового Завета посвящён труд чикагского профессора Джона Нокса.⁸ Целью исследования в упомянутой книге автор ставит определение роли Маркиона как пионера идеи Нового Завета и в целом выявление его значения как фигуры в христианстве II века. Он является, пожалуй, самым значительным довоенным англоязычным исследованием по Маркиону. Заключительный вывод автора по всему материалу книги таков: импульс в сторону создания фиксированного христианского канона был дан именно Маркионом. Метод ортодоксальной церкви, в сущности, заключался в принятии расширенного варианта маркионового Писания.

Вышедшая шестью годами позже книга английского исследователя Блэкмена "Маркион и его влияние" содержит ряд интересных суждений, во многом расходящихся с положениями труда Гарнака. Своей целью автор ставит выяснение оказанного Маркионом влияния на становление единой христианской церкви во II веке. Как правильно замечает исследователь, большинство грекоязычных новообращённых не понимало смысла ветхозаветных Писаний и не видело в этом особой необходимости.⁹ В заключении Блэкмен отмечает следующее. Маркион обратил внимание церкви на её ветхозаветное наследие и призвал к решительному отказу от него. Место Маркиона в истории христианства определяется, прежде всего, его ролью в составлении первого канона Нового Завета.

Ряд новых исследований посвящён проблемам взаимовлияния маркионизма как религиозного течения и тогдашней античной философии. В обзоре проанализирован ряд статей по этой теме. В них отмечается большее, чем полагал А. Гарнак, влияние различных философских школ античности на формирование теологии Маркиона.

Промежуточным итогом послевоенных исследований по маркионизму стала статья Барбары Аланд "Маркион. Попытка новой интерпретации". Отмечена неоднозначная оценка выводов Адольфа Гарнака о маркионовой теологии и его влиянии на становление католической церкви, а также большая зависимость его от гностицизма II века.

---

⁸ Nox J. Marcion and the New Testament. Chicago, 1942.

⁹ Blackman B.D. P.121: "it remained for them a book of Jewish fables".

Целому ряду тем, относящихся к текстовой традиции раннехристианских сочинений, посвящено источниковедческое исследование Нильса Дала. Автор рассматривает проблему принадлежности маркионитам «Вступлений» к письмам апостола Павла.

Своеобразной попыткой подытожить достижения и нерешённые проблемы в маркионоведении может считаться статья Дэвида Л.Баласа.¹⁰ Отмечена тенденциозность оценок Гарнака многих сторон маркионовой теологии и намечены возможные пути решения некоторых её спорных моментов.

Одним из последних англоязычных исследований по Маркиону стал опубликованный в 1984 году расширенный вариант диссертации австралийского профессора Роберта Джозефа Хоффмана, а также его статья, посвящённая этому ереснарху.¹¹ Будучи самым объёмным англоязычным исследованием последних 20 лет, оно, тем не менее, содержит наряду с достоверными, и ряд весьма сомнительных положений.

Одним из последних обобщающих обзоров по Маркиону является статья Герхарда Мая.¹² Автор, отмечая неточности Гарнака при восстановлении текста маркионовой Библии, указывает на необходимость создания новых фундаментальных трудов о Маркионе и намечает новые пути решения ряда трудных вопросов формирования и развития маркионовой теологии.

Достаточно подробно анализируется вклад голландских исследователей в изучение маркионизма. В фундаментальном исследовании Фервайса Маркиону посвящена заключительная IV глава "Das Gesetzproblem bei Marcion" (S.243-350).¹³ Автор отмечает неоднозначность мнений своих предшественников в оценке роли Маркиона в истории раннего католицизма, его отношение к гностицизму.

Немало нового в изучение маркионизма внесла статья Хана Дрийверса.¹⁴ Автор касается малоизученных аспектов распространения маркионизма на востоке Римской империи. Отмечается, что "найденный" Маркионом "новый бог" в точности совпадает с тем представлением о божестве, которое сложилось в философии средних платоников; "он пол-

---

¹⁰ Marcion Revisited: A "Post-Harnack" Perspective// Texts and Testaments. Critical Essays on the Bible and Early Church Fathers. Edited by March W.E. San Antonio. 1980. P.95-108.

¹¹ Hoffmann, R. Joseph. How Then Know This Troublous Teacher? // SC № 6,3. 1987f P 173-191. Hoffmann, R. Joseph. Marcion. On the restitution of Christianity // AAR. Academy Series 46. 1984.

¹² Marcion in Contemporary Views: Results and Open Question// SC 1987. № 6,3. S. 129-151.

¹³ Das Gesetz und Evangelium im ältesten Christentum bis auf Marcion. Utrecht. 1960.

¹⁴ Drijvers Han J.W. "Marcionism in Syria: Principles, Problems, Polemics// SC. 1987., № 6. P.153-172.

ностью потусторонен и совершенно противоположен всему в мире, даже неопишeм, (*au fond* indescribable (ἀρρητός))...Маркионов Бог-Творец, который создаёт мир вне и вместе с вечной и изначально злобной материей, может быть сравним с Богом-Демииургом или Силой в Среднем платонизме".¹⁵

Текстологическое исследование о возможности восстановления и прочтения текста маркионового Евангелия провели Дэвид Солтер, Дэвид Уильямс и Джон Клабо (John Clabeaux).¹⁶ В результате их исследований доказана невозможность точного восстановления текста маркионового евангелия из-за состояния и содержания дошедших до нас источников.

Целому ряду тем, относящихся к канонοобразованию Нового Завета, посвящена монография крупнейшего специалиста в области текстовой традиции Нового Завета – профессора Брюса Метцгера.¹⁷ Маркион представлен в ней как автор первого завершённого собрания писем апостола Павла и собственной версии текста Евангелия от Луки. Работа содержит наиболее полный обзор предшествующей литературы о каноне Нового Завета и является образцовой в своей области.

Пожалуй, самым последним из доступных зарубежных исследований маркионового текста Павловых писем является труд Ульриха Шмида. Он сознательно отказывается от попыток восстановления маркионового текста Евангелия и обращается к текстам писем Павла. Шмид высоко оценивает Маркиона как неповторимую личность, создателя первого канона новозаветных произведений и основателя альтернативной церкви.

Анализ посвящённых Маркиону исследований показывает, что, во всех областях маркионоведения достигнуты значительные успехи. Однако, остаётся малоразработанной проблема исторической и теологической значимости деятельности Маркиона применительно к конкретной исторической ситуации первой половины II века. Остаётся спорным вопрос о последствиях реакции единой церкви на маркионизм как на теологическую и церковную систему.

Вторая глава «Маркионизм как религиозное течение в раннем христианстве» включает три параграфа. В первом параграфе представлена панорама драматического разделения изначально родственных религий – ветхозаветно-раввинистического иудаизма и юного христианства. Отмечено, что начавшееся разделение была вызвано особой фигурой Иисуса из Назара-

---

¹⁵ Idem. Op.cit. P.162-163, N 48-59 – bibliography.

¹⁶ Salter, David. Reconsidering Marcion's Gospel// JBL. 1989. №108/3. P 477-496. D.S.Williams "Marcion's Gospel: Reconsidered". Georgia.1982. Williams, David S. A Lost Edition of the Letters of Paul. A reassessment of the text of the Pauline Corpus attested by Marcion // CBQ. 1989. Bd. 21.

¹⁷ Metzger, Bruce M. Der Kanon des Neuen Testaments. Entstehung, Entwicklung, Bedeutung. Tübingen. 1996.

рета, чьи проповеди и действия воспринимались его современниками как приближение царства Божьего, что в политическом плане означало постепенную подготовку действий революционного характера. Проанализированный процесс отделения христианства от иудаизма не менее важен и для понимания внутренних мотивов, ускоривших и углубивших разделение. Речь при этом идёт о 4 мотивах: восприятие представления о спасительной миссии Иисуса, значимость Торы, оценка самой личности Иисуса и мнение о начавшемся в христианстве метаморфозе прежнего мышления. Подчёркнуто, что на вербально-понятийном, а далее на теологическом уровне, обособление было ускорено наличием в восточном Средиземноморье огромной иудейской диаспоры и прозелитов иудаизма, чьим разговорным и литературным языком был общегреческий диалект койнэ. Литературное оформление «благой вести» – Евангелия – произошло в последней трети I века, и процесс этот шёл под влиянием религиозных идей иудеев рассеяния и язычников-эллинистов. Отмечены также последствия проведения раввинами в Ябне обновления иудаизма, в итоге которого последователи Иисуса во 2-3 поколениях оказались отверженными от духовного наследия общих предков. Особо выделена значимость последствий иудейских восстаний 66-73, 115-117 и 132-135 годов для ускорившегося обособления обеих религий. Трагические последствия восстания Бар-Кохбы существенно повлияли на окончательное формирование антипатии Маркиона к ветхозаветному Богу-Творцу и его выбор в пользу несоединения Ветхого Завета и Евангелия. Во втором параграфе воспроизведена восстановленная по источникам биография самого Маркиона, неполная вследствие отсутствия подробных сообщений в наших источниках. Подчёркнута тенденциозность и антипатия его противников в передаче отдельных эпизодов его жизни; представлены также мнения исследователей о правдоподобности её отдельных вех. В третьем параграфе представлено отношение Маркиона к ветхозаветному наследию: его боговидение, отношение к мессианским ожиданиям иудаизма. Отмечен его буквализм в понимании ветхозаветных, особенно мессианских, текстов. Трагические последствия восстания Бар-Кохбы, личность которого некоторые представители раббинов считали воплощением валаамового пророчества о «Сыне Звезды», определили негативное восприятие Маркионом насилия и войны. В этом параграфе сделан анализ ряда ключевых понятий тогдашнего иудаизма – Мессии, сына Бога, в меньшей степени Сына Человеческого и показано, насколько превратно и сам Маркион, и особенно его оппоненты, понимали текст иудейской Библии. Анализ мессианских представлений тогдашнего иудаизма позволил выявить отсутствие до II века понятия о страдающем Мессии (contradictio in adjecto оно было до трагических исходов антиримских восстаний). Далее, анализ такого значимого титула, как «сын Божий», применительно к теологии Павла, не позволил утверждать о восприятии им

представлений о Сыне Бога из греко-римского пантеона. Отдельные детали этих представлений были, скорее всего, заимствованы из теософских спекуляций иудейской грекоязычной диаспоры. Преобладающее влияние теологии Павла на формирование мировоззрения Маркиона слабее всего прослеживается в представлении об идентичности Бога-Отца и Сына у Маркиона; последний был модалистом, объединяя обе персоны.

Третья глава «Маркионово христианство: новизна “открывателя” истины или еретическое заблуждение?» посвящена анализу маркионового христианства как теологической системы; она включает два параграфа. Отмеченная ранее невозможность дословного восстановления текста маркионового евангелия вызвала необходимость рассмотрения опровержений его оппонентов – апологетов «официального» христианства II-V веков. И тем не менее, этого материала вполне достаточно для выявления тех идей, которыми руководствовался Маркион, устраняя из текстов Евангелия Луки ссылки на ветхозаветную тематику, что позволяет восстановить основные черты маркионового евангелия. В данной главе использованы отдельные наработки Адольфа Гарнака, однако с учётом критического отношения к его методам, отмеченному Герхардом Маем и другими исследователями. В первом параграфе представлены контуры маркионового евангелия, его примерное содержание, особенности текстовой традиции. Созданный Маркионом искусственный образ евангельского Христа был лишён почти всех черт земного человека, арамейскоязычного уроженца Галилеи. Он сошёл с небес в 15 году правления императора Тиберия в Капернауме.¹⁸ То было началом его земной миссии, проповеди Евангелия и спасения людей.¹⁹ Маркион считал её совершенно новым явлением религиозного плана.²⁰ Пришествие Христа в мир не было никем и никогда подготовлено.²¹ Маркионом Христос не имел человеческого тела, только его видимость; в этом выразился докетизм понтийца, ссылавшегося на павлово суждение (Phil. II.7): «ἐν ὁμοιώματι ἀνθρώπου ἤχουεν». При этом Христос не был привидением, точно так же, как и ангелы, пришедшие к Аврааму. Оправдание своему докетизму Маркион находил в сцене ангелофании (Gen. XVIII), о которой, однако, Филон Александрийский учил, что ангелы незримо преобразились в человеческие образы, и казалось, что они ели и

¹⁸ Harnack A. Op. cit. Beilage IV. S 184*-185* (обширный источниковый подбор).

¹⁹ Tert. Op. cit. 1.23: “Deus processit in salutem hominis alieni... haec est principalis et perfecta bonitas, cum sine ullo debito familiari in extraneos voluntaria et libera effundatur, secundum quam inimicos quoque nostros et hoc nomine jam extraneos diligere jubeamur”; Idem. De carne. 4.: “Christus magis adamavit hominem, quando alienum redemit”.

²⁰ Tert. Adv. Marc.: “nova et hospita dispositio” (I.2), “nova patientia” (IV.16), “forma sermonis nova” (IV.11).

²¹ Harnack A. Op. cit. Beil. V. S 284*-285*.

пили.²² Исходя из таких представлений, Маркион превратно понял слова Иисуса (Лс. XX.34sq) и завещал своим ученикам не просить более о земном хлебе, но о духовном хлебе Отца, поскольку ангелы не питались земной пищей. Своими речами и делами Христос явил людям «новые свидетельства нового бога» (*nova documenta dei novi*).²³ В них, как в доброй вести (Евангелие), было само царство Христа: «*in evangelio est dei regnum Christus ipse*».²⁴ Маркион считал притчи Христа, *modus dicendi*, столь же новым явлением.²⁵ Это относилось, в первую очередь, к благословениям Иисуса, адресованным всем обиженным, страждущим и отвергнутым в этом мире. Тертуллиан подтверждает это, приводя текстовые вставки Маркиона в Евангелие Луки (Лс. XII.22).²⁶ Утешения Христа контрастируют с ветхозаветными обетованиями счастья богатым.²⁷ Далее, любовь к своим врагам, заповеданная Иисусом, представлялась Маркиону столь же новым и отличным от ветхозаветного *jus talionis*; действующие по этому принципу не спасутся. Спасительные деяния Христа, известные по евангельским рассказам, также подтверждали его исключительно новую и не известную прежде природу.²⁸

Из евангельского повествования Маркион исключил эпизоды иоанново-го крещения, искушения Христа дьяволом, вход в Иерусалим, «очищение Храма», притчу о блудном сыне.²⁹

В изменённом виде у Маркиона была сохранена сцена суда над Иисусом.³⁰ Современный взгляд на многие проблемы библейской истории, текстовой традиции Священного Писания приводит к переоценке прежних представлений о них. Впервые в отечественной литературе с помощью метода семантической ретроспективы в данном параграфе выявлены различные оттенки значения самого слова «Евангелие» в текстах Ветхого Завета и в раннехристианских произведениях (Евангелия и письма апостола Павла). Проведённый анализ показал отсутствие преемственности в понятиях в указанных текстах, что и было ошибочно воспринято Маркионом, утверждавшим о необходимости очищения павлового евангелия от поздних

---

²² Philo. De Abrach.113; Tert. Adv.Marc.III.9; прочие свидетельства у Гарнака: Op.cit.S.286*.

²³ Свидетельства принесённой Христом новизны приводит Гарнак/ Op.cit. S.87-88.

²⁴ Tert. Adv.Marc.IV.33.

²⁵ Tert. IV.4, 9, 11, 17-19, 21.

²⁶ Tert.Op.cit. IV.29: «*Christus deprecator creatoris non vult de eiusmodi frivolis cogitari*» → «знает Отец, что вы нуждаетесь в этом; ищите же царствие божие, и это (всё?) будет вам дано».

²⁷ «*in lege maledictio est, in fide vero benedictio*» – Tert.Op.cit V.3.

²⁸ Tert. Op.cit. IV.9, 15, 20, 35.

²⁹ Подробнее об исправлениях Маркиона сообщает Гарнак/ Op.cit. S.52-61.

³⁰ Hamack A, von. Op.cit. Beil. IV. S.235*.

вставок «иудайстов». Отмечено также, что ввиду перевода изначального палестино-арамейского ядра текста евангелий на общегреческий диалект койнэ, отдельные семитические слова (идиомы) оказались ошибочно восприняты в духе идей эллинизма, стали писаться и звучали по-иному. Это относится к введению в Евангелие Иоанна. Ключевые выводы (6 пунктов), относящиеся к проблеме понимания самой личности Иисуса, позволяют обнаружить ошибки и заблуждения самого Маркиона, его последователей и оппонентов при восприятии содержания текстов обоих Заветов.

Во втором параграфе на основе достижений, главным образом, зарубежной науки представлены возможный характер и степень влияния такого феномена позднеантичной религиозной философии, как гносис, на становление теологии Маркиона. Необходимо подчеркнуть существенное изменение общих представлений о сущности гносиса и гностицизма после обнаружения гностической библиотеки близ Наг-Хаммади в Египте, а также после более пристального исследования сохранившегося литературного наследия иудейской диаспоры. В частности, в отдельных деталях маркионовой теологии есть немало заимствований из теософских систем гностиков Кердона и Валентина. На становление гностических систем немалое влияние оказали теологические спекуляции известных и анонимных грекоязычных авторов из иудейской диаспоры. Далее прослеживается начало распространения гносиса в Восточном Средиземноморье в конце I-начале II веков, дана краткая характеристика его главных представителей и отмечены черты сходства и различий их систем и маркионовой. Анализируются возможности причисления Маркиона и его последователей к той или иной школе античной философии. В тогдашней античной философии Бог не считался первопричиной зла. Бог есть нечто совершенное и поэтому не может выступать то здесь, то там в разных образах (*μορφή*), потому что он не может «добровольно сделать себя хуже, чем он есть» и он не позволяет подкупить себя через жертвоприношения и подарки (лишь позже интеллектуальные противники христианства стали выступать против учения об инкарнации Христа). Из этого платонового вывода появилась следующая аристотелева формула: Бог не подвержен страданию (*ἀλαθής*), как *actus purus* он не может страдать (*πασχεῖν*) и, как всесовершенный, он не отягощён никаким аффектом (*πάθος*), как гнев, злоба, зависть, а также любовь, сострадание, раскаяние, поскольку они совершенно неуместны и несоизмеримы (*ἀπρέλές*) в божественном так, как в человеческом. Эти три вывода оставались господствующими в философских системах последующих веков (Секст Эмпирик, Пирр)³¹. Псевдогерраклитово «всё течёт, всё изменяется» (*πάντα ρεῖ*) воспринималось в античности как угроза человеку. Сравнение высказываний представителей различных философских

---

³¹ Нуротур. I.162.

школ о проблеме происхождения зла с маркионовым поиском ответа на этот вопрос показывает достаточную самостоятельность этого ересиарха, исходившего из библейско-ветхозаветных представлений о божестве. И в то же время, Маркион перенял выработанное греками представление о природе божественности. Далее приводится достаточно подробный перечень черт сходств и различий в маркионовой и гностических системах (Кердон, Сатурнин). Подытоживая сравнение обеих систем, можно так суммировать черты сходства и различия между ними. В отношении к закону и его Творцу проявляется сходство; возможно, что, Маркион, всё же, не был столь далёк от влияния гностических систем. Неповторимый характер и содержание его проповеди отличают его от гностиков; он разделяет их мироощущение, но его религия иного рода. Есть общее и в отношении к иудеям как народу. Главным объектом критики в гностицизме выступает не библейский народ, а его бог. Толкование ими Ветхого завета не во всём совпадает. Маркион считал рай свидетельством творческой ограниченности: ведь Творец не смог подвести человека к грехопадению иначе, чем с помощью змея. Но для Маркиона он не является носителем сокровятого познания, а орудием Творца: «Этот змей есть Каин, чью жертву бог этого мира не принял, кровавое же приношение Авеля он принял, ибо владыка мира сего кровожаден». У Маркиона нет представления о духовном семени; в гностицизме милость заключается в сосуществовании всего духовного с неизвестным богом, а у Маркиона в акте бога, который сжалился над пребывающим в бедствии созданием Творца. Для гностических систем ссылка на традицию при толковании Евангелия имела немалое значение: в их среде знатоками истинного смысла евангельских текстов были носители тайного учения, приёмов их толкования. Маркион же не опирался ни на какую тайную традицию, а лишь на письма Павла и евангельские тексты, которые он как реформатор хотел преподнести в очищенном от следов иудаизма виде.

Четвёртая глава «Церковь Маркиона — опасная соперница "официального" христианства» включает два параграфа. В первом на основе свидетельств источников восстанавливается внутренняя структура маркионовых церквей. Внешняя сторона церковной жизни маркионитов представлена, главным образом, свидетельствами их противников. Но ни об одном из ересиархов не сохранилось столько известий, как о Маркионе и его последователях. Примечательно, что в отличие от большинства тогдашних общин-церквей, в маркионовых женщины имели гораздо больше прав и свобод; при этом не было обязательным правилом, что именно им одним предоставлялись те или иные почётные должности. Вообще, в его церквях стремились уменьшить различия между рядовыми членами и клиром, не допустить своеобразной кастовости и "святого" обмирщения. В па-

параграфе представлена картина невероятно широкого распространения маркионизма как в самой Римской империи, так и за её пределами и указаны причины живучести этой церкви. Примечательно, что, пожалуй, первая и древнейшая надпись, говорившая о присутствии христиан в общественном здании, а не в катакомбах, принадлежит именно маркионитам.

Анализ причин и сути проявления антииудаизма у Маркиона позволяет утверждать, что он имеет теологическую природу: ненависть к Богу-Творцу Ветхого Завета как к национальному богу иудеев.

Во 2-м параграфе представлены теологические системы учеников и последователей Маркиона: Марка, Мегетия, Лукана. Особое внимание уделено Апеллесу, развившему свою систему, в которой был ряд отличий от положений учения Маркиона. Объясняется это их усилившимся интересом к философским спекуляциям их современников-язычников. В целом же, учение Апеллеса предстаёт в таком виде:

1. Христианская Библия как основа вероучения содержательно в целом правильно составлена Маркионом ("исправленные" Евангелие Луки и письма Павла), но и "пророчества" Филумены следует читать.

2. Есть единый *bonus Deus* (εἷς ἐστὶν ἀγαθὸς θεὸς καὶ μία ἀρχὴ καὶ μία δύναμις ἀκατονόμαστος), создавший вышний мир и бывшие изначально у него души людей.³² При нём изначально существует его сын Христос. Существующий мир он не создавал и не имеет к нему никакого отношения.

3. Высший из созданных ангелов—*gloriosus, inclytos*—столь высок, что является, как доблесть (*virtus*), вторым началом (δεύτερα ἀρχή, ἄλλος θεός, δεύτερος θεός, κύριος), близким по своим характеристикам Логосу. Вышний Бог поручает ему сотворить мир по подобию высшего мира, причём Христос помогает ему своим духом, волей и силой. Но вследствие испорченности этого второго божества мир стал несовершенным, и его создатель привнёс в него "сожаление" и удалился от высшего Бога.³³

4. Совсем отдалившись от высшего Бога, это второе божество стало предстателем зла (*praeses mali*) и с помощью земной пищи переманило к себе души из высшего мира, дабы одеть их в греховные плотские одежды.

5. В качестве огненного, "пожирающего" ангела он отвращает иудейский народ от Творца, а также тех из христиан, кто почитает его как такового.³⁴

³² Epiph.haer. XLIV.1 "ὁ ἄγιος ἀνοθεν θεὸς καὶ ἀγαθός", Orig.Comment. in Tit "ingenuus et bonus deus". Tert. De anima. XXIII. 26, De carne. 8.

³³ Tert. De praescr.34., De carne.8; Orig. Comment. in Tit.

³⁴ Tert. De Praescr.VII.33; De carne 8; De anima 23; De resurrect. 5—"corpusculum istud, quod malum appellare non horrent". Harnack. A.Op.cit. SS.191-192. Anm. 2.

Это же божество является вдохновителем полного противоречий, лжи, сказок и нелепостей Ветхого Завета. Закон и пророки окончательно "совратили" иудеев и христиан и обратили их в свой союз. Но всё же в нём осталось нечто вдохновлённое Христом.³⁵

6. *Opus Deus* сжалился над человечеством и послал в эту пору по просьбе Творца своего сына для освобождения людей;³⁶ с сыном же пришёл и Святой Дух.

7. При своём появлении Христос получил обличье, то есть телесную оболочку, из 4 элементов звёздного космоса, *и появился на земле в видимом, реальном обличии*. Поэтому все его деяния реальны и ощутимы.³⁷ Акт освобождения состоит в действительной крестной смерти Христа.³⁸ Непосредственно перед вознесением Христос оставил всё земное и оказался в прежнем своем состоянии. При этом Апеллес, как и гностики, отрицал возвращение Христа (его второе пришествие).³⁹

8. Спасение касается лишь душ, поскольку как Христос облёкся бы в плоть, так и истинно верующий должен её отрицать.

9. Брак совершенно неприемлем.

И всё же, несмотря на эти отступления, теологические системы последователей Маркиона сохранили основные положения его вероучения.

В заключении подводятся итоги проведённого исследования.

1. Теологов и историков церкви, занимавшихся Маркионом, не оставлял вопрос о генезисе его мировоззрения.

Если считать его учеником гностика Кердона, то от него он мог позаимствовать очень не многое: он не развивал его гносис. Сделанное Маркионом можно считать далеко идущей христианизацией гносиса, но на совершенно новой основе. И в этом его сильная сторона как реформатора. Но, с другой стороны, отсутствие у него чётко выверенной религиозно-философской картины мира дало повод его противникам для нападков и резкой критики, смешивавшей его с гностиками-современниками. Несмотря на ряд сходств с валентинианами, он оставался самостоятельной фигурой в тогдашнем христианстве, располагаясь между гноссом и церковью. *Реформаторство его заключалось в попытке избавить тогдашнюю церковь от грозившей ей опасности иудеизации, законничества и вернуть её к первоосновам.* Осознание освободительной силы Евангелия подвигло его к превращению

³⁵ *Idem.* S 192-193. Anm. 1.

³⁶ *Eph. Haer.* XLIV.2 : "ἐπὶ σωτηρίᾳ τῶν εἰς γνῶσιν αὐτοῦ ἐρχομένων"; *Orig. Contra Cels.* V.24: "Μόνος οὗτος ἐπαδεδήμηκτ τῷ γένει τῶν ἀνθρώπων"; *Eph. Ibid.* : "Ἐπ' ἐσχάτων τῶν καιρῶν".

³⁷ *Harnack. A. Op. cit.* S. 193.

³⁸ *Eph. De carne* 7: "confitentur vere corpus habuisse Christum".

³⁹ *Idem.* S. 193-194. Anm. 4.: "ὄθεν καὶ ἦκεν" вместо "ὄθεν καὶ ἐρχεται".

его в ни на что не похожее свидетельство о новом, благом боге, что и было отражено во введении к «Антитезам». Маркион учил и претворял на практике, что спасение не может прийти с принятием Закона: оно есть религиозный дар, а не этическое достижение, и в этом протесте состоит его величайший вклад в прогресс религиозной мысли. Именно поэтому он чувствовал необходимость воссоздания этого Евангелия, когда он нашёл в его тогдашнем тексте немало ветхозаветных пассажей. Корни маркионизма вряд ли можно отыскать в антииудаизме послеапостольской эпохи. Его решительное разделение акта творения и акта спасения противоречит учению «мужей апостольских». Церковный антииудаизм того времени направлен был против самого библейского народа; все провозвещения их Священного Писания относятся к новому божьему народу – христианам из числа язычников. Маркион же рассматривает те же книги как свидетельство о несовершенном боге Закона и возмездия. Его трактовка Евангелия направлена против старого источникового свидетельства – Ветхого Завета. Его бог должен быть отброшен, а свидетельства о нём исключены из канона священных книг. Идентичность ветхозаветного божества и бога этого мира (*mundus est deus mundi*) говорит здесь о влиянии гностицизма на Маркиона. Многие из упреков Маркиона против Творца есть и в гностических системах: неосведомлённость, раскаяние, огненная природа, судейские и карающие функции. Ветхозаветный бог есть бог злой материи (*κακῆ ὕλη*). Его можно обозначить как справедливого бога-посредника, способного даровать лишь неполное блаженство. Во всём этом заметно влияние гностицизма на Маркиона.

2. В силу этого его вероучение не может считаться непосредственным продолжением тем проповедей Иисуса или Павла. Вполне очевидно, что Маркион сам пришёл к пониманию смысла миссий обеих фигур – Иисуса и Павла. Отвергая раннехристианскую письменную традицию, её опору на Ветхий Завет, он попытался филологически доказать полную несовместимость Евангелия и Ветхого Завета. Одним из результатов этой попытки стало то, что и Ветхий Завет, и первые христианские произведения были прочитаны и поняты с греческих мировоззренческих позиций. Проблема авторитетности Ветхого Завета, в отличие от попытки Павла решить её, не была до Маркиона решена окончательно, и она вновь решительно заявила о себе. Идеологической основой данной работы стали заимствованные Маркионом из гностицизма представления о божественной и человеческой природе.

3. Несмотря на характерное для гностицизма мировосприятие Маркиона, вероучение его не имеет ничего общего с гностицизмом. В нём нельзя видеть пик «рационалистического гностицизма», на этом месте может стоять фигура гностика Валентина. Маркион же создал собственное евангельское вероучение, неповторимое и не похожее ни на церковное, ни на гно-

стическое. Маркион был твёрдо убеждён, что христианство и есть единственное откровение Бога. Он хотел лишь восстановить в его первоначальной чистоте христианское учение, которое он считал искажённым чужеродными утверждениями, затемняющими идею спасительного Бога. Источником чистого христианского религиозного познания он считал не какое-то тайное учение или устную традицию, а аутентичные свидетельства о жизни и учении Христа, содержащиеся в павловых письмах.

4. Свообразие Маркиона состоит в том, что он гениально осознал необходимость сделать из Евангелия Иисуса совершенно новую весть о даруемом спасении и прощении грехов, множимых соблюдением заповедей ветхозаветного бога. Хотя гностики развивали подобные представления, у них речь идёт, главным образом, о спасении божественной искры (духовного семени) в человеке; по Маркиону же спасается сама душа. Маркиона интересуют не физические (космогонические) вопросы, спекуляции об эонах и прочие гностические причуды. В маркионовой системе бог, спасающий человека, чужд миру, в гностической всё наоборот.

Гениальность Маркиона не ограничивается своеобразием его вероучения; он проявил себя как выдающийся организатор церковной жизни. Его длительное внутри- и внецерковное влияние может быть объяснено тем, что он придал своему Евангелию совершенно новый смысл и звучание, отличное и от церковного, и от гностического. Милость спасающего бога была им превознесена выше, чем в церкви, и у гностиков, чьим пневматикам она была и недоступна, и не заслужена ими. Здесь Маркион мог чувствовать своё превосходство над остальной церковью, поскольку, когда Евангелие было преобразовано им в учение о новом Законе, в нём оказалось достаточно места для глубин и высот истинного евангельского сознания.

5. Защищаясь против Маркиона, тогдашнее христианство стало создавать образ своего Бога, своего Христа, своей Библии, выбрав путь антииудаизма. Маркион же считал необходимым очистить тогдашнее христианство от его иудейского наследия. В этом проявилось реформаторство Маркиона. Кроме того, осознав милость нового бога, он смог вновь поднять вопрос об отношении Павла к Закону, ответа на который церковь не знала. Она его относилась всецело к прошлому, а Маркион вслед за Павлом мог сказать, что спасает новое Евангелие как радостную весть о милосердии божьем. Центральная мысль сотериологии Маркиона предполагала акт спасения человека как акт выкупной, подчиняющий его всеобъемлющей любви благого бога. Стремящийся же к спасению должен всячески пытаться избавляться от соблюдения предписаний ветхозаветного Закона. Здесь Маркион, в отличие от гностиков, мог вновь оживить павловы тезисы о том, что господство греха и смерти, а также раболепие перед Законом прекращаются с приходом Христа. Истинное спасение даруется только че-

рез Евангелие тем, кто отвергается от ветхозаветного Закона и обращается к милости божьей.

6. Маркион пришёл к своему пониманию Евангелия, идя по гностическому пути. Гностическое отвержение мира достигло в его Евангелии своего пика. Освобождающая милость, даруемая в откровении благого Бога, была воспринята Маркионом в столь необычной форме, что все прочие оказались отброшенными. Он считал, что нашёл средство преодоления тьмы и нужды в этом мире и освобождения человека.

Парадоксально, но человек, желавший предстать перед церковью как реформатор, оказался её злейшим врагом. Не будучи гностиком по своему мировоззрению, он внёс в своё Евангелие многие гностические элементы и развил евангельскую сотериологию.

Заслуга Маркиона состоит в том, что он вновь придал ценность отдельным положениям «изначального» Евангелия, казавшимся забытыми в то время в церкви. Неповторимость его проявилась и в том, что он вполне осознанно начал спор и предложил оригинальные решения по тем вопросам, которые 14 веков спустя привели к расколу католической церкви. В эпоху Реформации она частично освободилась от своей приверженности ветхозаветному законничеству, что открыло ей путь к осознанию истинной евангельской свободы.

7. Маркион остался в памяти, а больше в полемических сочинениях его современников и потомков, едва ли не главным врагом церкви. Его своеобразное богоскательство и поиски истины привели его к разрыву с тогдашней церковью, чья традиция покоилась на ветхозаветном наследии: Евангелие есть свидетельство исполнения пророчеств в личности и деяниях Иисуса Христа.

За три века тогдашняя раннекатолическая церковь смогла найти весомые доводы против этого «понтийского волка». При этом она многому училась у него, позаимствовав, к примеру, его отношение к своему духовному наследию, но поменяв на 180° вектор в сторону признания факта исполнения ветхозаветных пророчеств в личности Иисуса Христа. Если антииудаизм Маркиона был направлен только против ветхозаветного Бога-Творца как национального бога иудейского народа, то в христианской церкви изначально, начиная с конца I века, утвердилась антипатия к иудеям, как к народу, обвинявшемуся в «богоубийстве». Насколько печальные последствия имело такое отношение к иудеям, хорошо известно сегодня. Маркионизм, ввиду поднятых его основателем вопросов и предложенных им попыток их решений, представлял грозную, если не смертельную, опасность для нарождающейся христианской церкви. В фигуре этого неповторимого богоскателя воочию видны черты первого реформатора христианства. Выбранная тогдашней церковью стратегия и тактика по отно-

шению к маркионизму и прочим ересям, привела её впоследствии к открытому антииудаизму а позже и к антисемитизму.

Публикации по теме диссертации:

1. Восстание Бар-Кохбы: последний акт национально-освободительной борьбы иудейского народа в античности: тезисы доклада //Античный мир и мы. Саратов. 1997. Вып.4. С 69-70.
2. Восстание Бар-Кохбы: последний акт национально-освободительной борьбы иудейского народа в античности // Саратов. 1998. 42 С. Депон. в ИНИОН РАН № 53418 от 02.04.1998.
3. «Судовладелец Маркион»: штрихи к портрету выдающегося ересиарха// Античный мир и мы. Саратов. 1999.Вып. 6. С 43-50.